

Надежда Суслова

К истории театра XX века: Магадан. ГУЛАГ. Театр

(Вступительное слово к публикации фрагментов
книги «Огни лагерной рампы» А. Козлова)

История театра, то есть история его взлетов, была бы неполной, если бы в 90-х годах ушедшего века магаданский историк Александр Козлов не издал свой труд «Огни лагерной рампы» – хронику Магаданского театра времен ГУЛАГа. «У каждого смысла будет свой праздник возрождения», – утверждал мудрец. Книга, фрагменты которой мы публикуем, свидетельство того, как искусство возрождало, возвышало, возвращало к жизни людей, у которых вместо имен были лагерные номера.

Ключевые слова: театр, актер, музыкант, культбригада, Маглаг, УСВИТЛ, заключенный, арестован, 58-я статья, спектакль, репетиции, гастроли, Мейерхольд.

The history of the theatre, that is, the history of its peaks, would not be complete if the Magadan historian Alexander Kozlov did not publish his work "Lights of the camp ramp". It is a chronicle of the Magadan theatre in the days of the GULAG. "Every meaning will have its own celebration of rebirth," the sage asserted. The book, fragments of which we publish, shows that art enlivened, uplifted and brought back to life people who had camp numbers instead of names.

Keywords: theatre, actor, musician, cultural Brigade, Maglag, USVITL, prisoner, arrested, article 58, performance, rehearsals, tours, Meyerhold.

Магаданский музыкально-драматический театр, 20 лет существовавший как театр системы ГУЛАГа, следовало бы называть музыкально-трагическим. Он был создан для «культурного обслуживания» заключенных лагерей, и играли в нем тоже узники.

О начале истории магаданского театра возвестил 4 февраля 1932 г. гудок парохода «Сахалин». Пароход доставил в Нагаевскую бухту первую сотню заключенных – контингент, которому предстояло начать промышленное освоение Колымского края, лагерную охрану, вольнонаемных, руководство треста «Дальстрой» во главе с его директором Эдуардом Берзиным и режиссера и первого художественного руководителя магаданского театра (тогда еще клуба) Георгия Шнабеля.

Берзин, один из организаторов и руководителей системы ГУЛАГ, по образованию был художником. Выпускник Берлинского королевского художественного училища, он был сам не чужд чувства прекрасного, знал, какое действие способно оказывать на человека искусство и, безусловно, право выбора первого театрального спектакля в столице ГУЛАГа оставил за собой. Это была «Утопия». История не оставила имени автора пьесы, но большевики тогда увлекались английским философом Томасом Мором, даже высекли его имя на памятной стеле в Александровском саду у Кремля – и скорее всего, первый магаданский спектакль 1934 г. был навеян его «Утопией». Конечно, события на сцене и реальность за окном театра не совпадали. Герои «Утопии» не могли найти применения золоту и делали из него ночные горшки и кандалы для рабов. А театр Дальстроя, наоборот, был задуман для того, чтобы мотивировать, вдохновлять рабов на добычу золота.

Реальность казалась и была бредом, и этапированные на Колыму актеры, режиссеры, художники, музыканты мечтали попасть в театр. «Сцена этого театра стала спасительным берегом для десятков талантливых людей, которые могли бы безвестно сгинуть в рудниках, на приисках, в шахтах и на лесоповале, погибнуть от «случайного» выстрела вохровца или умереть за колючей проволокой».

Это строки из книги очерков «Театр на северной земле», которую написал магаданский историк Александр Григорьевич Козлов. Его же перу принадлежит и другой труд – уникальная хроника «Огни лагерной рампы». Первым из историков А.Г. Козлов извлек из адских гулаговских архивов на Божий свет правду, развеял

выгодные системе мифы, уточнил, откорректировал народные легенды – и восстановил имена. «При изучении архивных материалов, – пишет А. Козлов, – пришлось столкнуться с именами более чем 500 актеров, режиссеров, художников, музыкантов и других театральных работников, связавших (с театром. – *Ред.*) свою судьбу. К сожалению, не обо всех из них сохранились данные. Трагические страницы их жизней еще ждут своих исследователей».

Автору «Огней лагерной рампы» удалось составить биографические справки на 396 человек – заключенных артистов и вольнонаемных (тоже горькие судьбы), работавших в Магаданском театре с 1932 по 1953 гг. «Каждая справка – удивительный человеческий материал, – восклицает историк. – Горько, обидно, никогда не забывается и не прощается. Собранные под одной обложкой биографические справки – это документальное обвинение сталинизму, калечившему, ломавшему, уничтожавшему человеческие судьбы».

Автор хроник ограничен рамками жанра, содержание диктует документ. Но это и есть материал для дальнейших поисков, интерпретаций, открытий. Открытия – на каждом шагу. История, как опытный изощренный драматург, и впрямь вплетала в колымскую трагедию сюжеты, которые по своему удельному весу не уступали библейским. Вот сходят на берег Нагаевской бухты первые (из самых первых в «колымском списке») заключенные актеры. Их двое. Это Мать и Сын. Елена Негина и Михаил Бибер. Ленинградские актеры осуждены за попытку свергнуть советскую власть, убить Сталина. Но это еще не все, история должна сюжет закольцевать. Упавшего духом юношу Мишу Бибера поддерживает, духовно укрепляет по дороге на каторгу товарищ по несчастью, репрессированный священник – земляк и тезка Михаил Гундяев, отец будущего патриарха Кирилла. Михаил Васильевич чудом избежит расстрела в 37-м. Это уже другая история. Каждая биографическая справка из книги Козлова имеет своим продолжением свою печальную повесть.

В Год театра – теперь и во всякий другой год, день и час – благодаря «мартирологу» из «Огней лагерной рампы», мы можем окликнуть по имени 396 человек – узников и служителей храма муз лагерной Колымы. Окликнуть и воздать должное их подвигу – личному и коллективному. Подвиг заключался в том, что в жут-

кой бездуховной атмосфере ГУЛАГа театр во время своих подвижнических (по 2 спектакля в день) гастролей по лагерям Колымы дарил заключенному человеку возможность пережить состояние катарсиса, желание жить дальше и, как писал знаменитый репрессированный режиссер Леонид Варпаховский, давал возможность «не опуститься духовно, продолжать себя считать человеком». Отчеты о гастролях магаданских артистов – быть может, самый поэтичный документ гулаговских времен. В них ни слова о тяготах бытия – только об актерском счастье, о благодарных слезах зрителей, цветах, овациях... и о перевыполнении плана в забоях и карьерах. По правилам Дальстроя на спектакли допускались только передовики производства.

Автор «Огней лагерной рампы» подробнейшим образом исследует репертуар магаданского театра. Он утверждался Главреперткомом и Политуправлением и не отличался от репертуара столичных «свободных» театров. За текстами, за тем, что произносилось во время репетиций и спектаклей, следили специальные люди. Но зрительный зал – на воле ли, в зоне ли – всегда чувствовал, что имеет дело с театром уникальным. На маленьком пространстве сцены играло сообщество представителей признанных враждебными театральными систем, которые – в конечном счете все! – учат актера быть самим собой, быть живым именно на сцене. «Материковый театр» в годы репрессий таких актеров изгнал. Но можно отлучить Мейерхольда от учеников, а вот учеников от Мейерхольда никогда – даже если кого-то и вынудили от него отречься. Дух дышит, где хочет. И этот «магаданский феномен» тоже ждет своего исследователя.

В Год театра мы публикуем фрагменты книги «Огни лагерной рампы» покойного магаданского историка Александра Козлова и воздаем должное научному труженичеству и результатам его труда. Он разыскал и опубликовал прежде сокрытое. Успел. «Рукописи не горят», но архивы закрываются.